

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКОХРВАТСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ
ПОВРЕМЕНИ СПИС ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

Ову књигу Филолога уредили
М. ПАВЛОВИЋ Р. БОШКОВИЋ М. ПЕШИКАН

Секретар
Ж. СТАНОЈЧИЋ

Књ. XXX — св. 1—2

БЕОГРАД
1973

Роман ЯКОБСОН
(Cambridge, Mass., USA)

СОКОЛ В МЫТЕХ

Первым плодом трехлетнего международного семинара в Нью-Йорке (1943—1945), посвященного систематическому и всестороннему разбору *Слова о ѿльку Игоревѣ*, было обширное критическое издание памятника. Согласно предложенной в этом издании¹ разбивке текста, таковой насчитывает 218 „стихов“ (т.е. versets!), распределенных между тридцатью главами. Речь великого князя Святослава, *злато слово слъзми съмѣшено* от 111-ого стиха по 119-ый, охватывает шестнадцатую главу из тридцати и открывает таким образом вторую половину всего сочинения. Из общего числа 218-ти стихов вторая половина охватывает 109 стихов от 110-ого до 218-ого, и с ее второго стиха начинается *злато слово*, центральный и поворотный момент в драматическом развитии всего повествования.

Святослав, великий князь Киевский, сын Всеволода, старшего Ольговича, в год похода Игорева старейший среди русских князей, обращаясь к сыновьям своего дяди и тезки — Святослава, младшего Ольговича, Игорю и Всеволоду, т.е. к двоюродным братьям меньшим годами и рангом, называет их племянниками (112. *сыновья*). А сам

¹ La Geste du Prince Igor — épopée russe du douzième siècle. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel = Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slaves, VIII (École Libre des Hautes Études à New York, L'Université Libre de Bruxelles, 1948; том фототипически переиздан: Kraus Reprint, Nendeln, Liechtenstein, 1971). Вошедший сюда „Essai de reconstruction du Slovo dans sa langue originale“ (150—178) лег в основу курсивных цитат из *Слова* в настоящей статье. Ср. R. Jakobson, Selected Writings, IV: Slavic Epic Studies (Гаага — Париж, 1966), где воспроизведен критический текст Слова (133—160) с реконструкцией оригинала и переводом на современный русский язык (164—191). Перевод с тою же разбивкой на „стихи“ перепечатан в *Трудах Ойдела древнерусской литературы* АН СССР, XIV (1958), 116—121.

автор „Слова“ превозносит международную славу Святославу (90.) и в хвале великому князю именует его „отцом“ Игоря и Всеволода (88.) как вассалов Киевского сюзерена². Соответственно Киевские бояре, толкуя *мушнь сънь* Святославов, говорят о двух соколах, слетевших *съ ойьня сїюла злайя* (102.), и в схожих терминах начнет автор свой заключительный рассказ о возвращении Игоря из плена *къ ойьню злайу сїюлу* (184.).

Злайю слово сюзерена осуждает своекорыстную и безрассудную погоню младших князей за славой (112.), вспоминает и ставит им в пример *йрадбьнюю славу* (115.), т.е. славу предков „могучего, богатого, многоратного“ Ярослава Всеволодовича, которой верны его Черниговские *были* и степные союзники, в особенности победоносные Олберы, охарактеризованные О. О. Прицаком как Монгольские сюзерены всей Кипчакской области³. Из четверых Ольговых внуков два сына старшего Ольговича, старейшина, князь Киевский Святослав Всеволодович, и младший, князь Черниговский Ярослав Всеволодович, сопоставлены по сходству и контрасту с обоими сыновьями младшего Ольговича, Северским князем Игорем Святославичем и его младшим братом Трубчевским князем Всеволодом Святославичем.

Князь Киевский, старший в роду, избличает обоих молодых князей в попытке самочинных военных действий (116.) и, как правильно подметил Д. С. Лихачев, в желании присвоить себе славу той успешной борьбы, которую в прошлом вели против Половцев старшие князья, а также удержать исключительно за собою славу очередного похода (116. *Нъ рекосїа: мужьямъ ся сами, йрбьнюю славу сами йохыйимъ, а задьнюю си сами йодблїмъ.*)⁴ В этих словах, приписанных Святославом Игорю и его брату, согласно меткой интерпретации Ю. М. Лотмана, „стремление к славе связано с самовольным выходом из системы иерархического феодального подчинения, независимостью действий“, между тем как „Игорь, присвоивший себе нормы поведения сюзерена (*славу*), — на самом деле вассал Киевского князя“.⁵

² Б. А. Рыбаков, *Слово о полку Игореве и его современники* (Москва, 1971), 87 сл.; его же „Князь Святослав Всеволодович (опыт исторической характеристики)“, *Материалы и исследования по археологии СССР*, XI (1949), 93—99.

³ R. Jakobson, *Selected Writings*, IV, 698.

⁴ Д. С. Лихачев, „Из наблюдений над лексикой Слова о полку Игореве“, *Известия ОИД. Лит. и Яз.*, АН СССР, VIII, в. 6 (1949), 552 сл.

⁵ Ю. М. Лотман, „Об оппозиции честь — слава в светских текстах киевского периода“, *Труды по знаковым системам*, III (Тарту, 1967), 109. Ср. его же „Еще раз о понятиях слава и честь в текстах киевского периода“, *там же*, V (1971).

На самоуверенность молодых князей и на их намеренное обособление от старших саном и возрастом *златѣ слово* реагирует настоятельным вопросом — 117. *А чи диво ся, братише, стѣару йомолодийи* — и в ответ прибегает к метафорической ссылке на доблесть старых, испытанных бойцов, в том числе самого Святослава „грозного, великого, Киевского“, прославленного перед тем (в стихах 88.—90.) именно за могучее сокрушение вражьей силы. Итак на вопрос старшего князя — „Да разве диво, братья, старому помолодеть?“ — непосредственно следует красноречивая, образная реплика самого же Святослава — 118. *Коли соколь въ мыйѣхъ бываеиѣ, високо йгыйиць възбиваеиѣ: не дасиѣ гнѣзда своего въ обиду.*

Значение словосочетания *соколь въ мыйѣхъ* недвусмысленно ясно. В. Л. Виноградова в своем содержательном лексикологическом пособии к „Слову“⁶ напомнила давнее свидетельство лексикографа Бурнашева: „Мыть. Линяние ловчих птиц. Мытчий кричет или ястреб, т.е. перелинявший, и по числу линяний означается их возраст, напр. сокол двух мытей, трех мытей и т.д.“⁷ Словарь Даля, I (1880^a), 365, отмечает, что в отношении сокола мыть служит синонимом года. Комментарий А. А. Потебни к вышеприведенному стиху с бесспорной очевидностью показал: „сокол двух-трех мытей« — что мытился два, три раза, двух-трехлетний, след. »сокол в мыйѣх« — в летах, старый. это пословица в роде поль. *stary ale jary*, мр. старый віл борозни неспеу.“⁸ Сочетание *соколь въ мыйѣхъ* явно соответствует по форме и значению таким ходовым выражениям, как рус. *человек в лѣтах* „пожилой, немолодой“.⁹ Ср. синонимичные формы — рус. *в годах*, укр. *в літах*, пол. *w latach*, чеш. *v letech*, словац. *v rokoch*, серб. *у годинама*. Согласно В. Н. Перетцу, подводящему итоги толкованиям предшественников, „мова, очевидячки за те, що старий сокіл, котрий багато разів вилиняв, — страшніший для ворогів свого кубла, це підтверджує успіх походу Святославого.“¹⁰

⁶ В. Л. Виноградова, *Словарь-справочник Слова о йолку Игореве*, III (Ленинград, 1969), 127 сл.

⁷ В. П. Бурнашев, *Ойиѣ терминологического словаря сельсого хозяйства, фабричной, йромыслов и бытѣ народного*, I (СПб., 1843), 410 сл.

⁸ А. А. Потебня, *Слова о йолку Игореве* (Воронеж, 1878), 104.

⁹ См. *Словарь современного русского литературного языка*, АН СССР, VI (1957), 191, с примерами — *Ну, уж человек в лѣтах: ему ведь йод сорок будей* (Сухова-Кобылин); *Ушаков был уже в лѣтах, — недавно йереди йем ему йсполнилось йлѣтьдесяѣ чѣтыре года* (Сергеев-Ценский).

¹⁰ В. Н. Перетц, *Слова о йолку Игоревѣ* (Киев, 1926), 270.

Таким образом 118-ый стих в переводе на современный русский язык означает: „Если сокол не раз линял (т.е. если сокол в летах), он высоко взбивает (угоняет далече ввысь) птицу (ср. противопоставление сокола и вражеской стаи птиц 79. *далече заиде соколъ, ѿѣиць бя*): не даст гнезда своего в обиду.“ Соответственно передают 118-ый стих переводы в *La Geste du Prince Igor*, напр. „Lors qu'un faucon a déjà mué plusieurs fois, il chasse les oiseaux très haut dans la nue et ne laisse pas sa couvée exposée à l'outrage“ (Н. Grégoire); „If a falcon has had his moults, high does he smite the birds,“ и т.д. (S. H. Cross).

Уже Н. Ф. Грамматин уловил, что связь двух смежных образов — „старому омолодиться“ и „не раз перелинявший сокол“ — выигрывает в убедительности, так как „сокол перелинявши одевается молодыми перьями,“¹¹ иначе говоря, омолаживается.

Термины „трех мытей“ и „в мытех“ относятся друг к другу совершенно так же, как термины „стольких-то лет“ и „в летах“. В. П. Петрусь справедливо возражает против возможности приурочить образ мощи и силы к периоду временной слабости боевой птицы, ко времени, когда она „мытится“, т.е. болеет.¹² Но попытка обойти это мнимое затруднение путем подстановки чтения *мыѣъ*, т.е. „пошлина, подать, дань“, взамен термина *мыѣъ*, в данном контексте неуместного, лишена малейшего правдоподобия, а главное, совершенно излишня, потому что статья не учла хронологического, календарного значения присущего формам множественного числа *мыѣи*, *мыѣей*, *мыѣех*.

Видимо, к орнитологическим соображениям П. П. Петрусю восходит следующее утверждение А. А. Зимина: „По „Слову“ получается, что сокол „в мытех“, то есть в период линьки, проявляет особенно воинственные наклонности. Это, конечно, заблуждение.“¹³ Заблуждением оказывается однако не текст 118-ого стиха в „Слове“, а уверенность критика, будто в *мыѣех* здесь означало „в период линьки“, — один из многочисленных у А. А. Зимина примеров непонимания древнерусских текстов и заведомого невнимания к результатам полутора-вековой исследовательской работы по „Слову“.

К 118-ому стиху „Слова“ примыкает, как указал уже Перетц, фраза, вошедшая в позднюю редакцию „Повести об Акире“. Со-

¹¹ Н. Ф. Грамматин, *Слово о йолку Игоревом*, историческая поэма, писанная в начале XIII в. (Москва, 1823).

¹² В. П. Петрусь, „Сокол в мытех“, *Ученые записки Кировского педагогического институту*, вып. 11 (1957), 103 сл.

¹³ А. А. Зимин, „Когда было написано „Слово“?“, *Вопросы литературы*, XI, № 3 (1967), 145.

гласно интересным разысканиям О. В. Творогова,¹⁴ упоминание сокола трех мытѣй „встречается лишь в третьей редакции повести“: старшие списки этой редакции восходят к середине XVII века, и „видимо, уже в архетипе третьей редакции читалась фраза, искаженные варианты которой сохранились в двадцати из 36 просмотренных нами списков.“ Вполне убедительно архетипное чтение, реконструируемое исследователем: „Коли сокол трех мытѣй, тогда не даст в обиду гнезда своего“ или точнее — „гнезда своего из обиду“, согласно списку ГБЛ, собр. Муз, ф. 29, 1567, который, возможно, „восходит непосредственно к архетипу“. Поучительны списки, соблюдающие глагол и придаточном предложении: *коли был сокол ѿрех мытѣй* и особенно *егда бо сокол ѿрех мытѣй бываеишь*.¹⁵ эпитет „злата“, добавленный в группе списков к существительному „гнезда“, вызывает догадку о заимствовании прилагательного из сочетаний *седьла злайша, сѣюла злайша* (покинутого соколятами!) и *злайшо слово* в предшествующих стихах Слова (91., 102., 111.). Как отметил Творогов, в архетипе другой группы списков сочетание *въ обиду* искажено: мы читаем в этих рукописях *вабишѣи, вабишѣя, выбишѣя, восишѣи* (!). Здесь не исключена контаминация созвучных слов в конце двух смежных предложений 118-ого стиха: *възбываеишь* и *въ обиду*.

Фраза о зрелом, матером соколе явно перешла в „Повесть об Акире“ из „Слова“. В последнем она неразлучно связана с предыдущей фразой (117.), которую последующая (118.) дополняет и объясняет: старому не диво помолодеть, и когда соколиное гнездо под угрозой, старый сокол помолодев разгонит налетчиков. Напротив, в ответе Акира премудрого царю Синографу, напуганному угрозами египетского фараона, вступительная фраза — *въверзи на госѣода ѿечаль свою, и ѿои ѿя ѿрейшѣаеишь, не дастѣи върки молѣишы ѿраведнику* — оставляет дальнейший афоризм о соколе трех мытѣй без всякого ключа к уразумению.

В списках „Повести об Акире“ бросаются в глаза искажения фразы о защитнике соколе, частично или даже всецело ее обесмысливающие и свидетельствующие о непонимании образа. „Сокол трех

¹⁴ О. В. Творогов, „„Сокол трех мытѣй“ в повести об Акире премудром“, *Вопросы ѿборни и исѣорни языка* — Сборник статей, посвященный памяти Б. А. Ларина (Ленинград, 1969), 111—114.

¹⁵ *Памятники старинной русской литературы*, изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко, II (СПб., 1860), 368. Ср. В. П. Адрианова-Перетц, „Фразеология и лексика Слова о полку Игореве“, *Слово о йолку Игореве и йамяйники Куликовского цикла*, под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева (Москва—Ленинград, 1966), 90.

9 Южнославянский филолог, XXX

мытей“ вырождается в бессодержательную, окаменелую формулу, вставляемую отдельными писцами в различные пассажи переписываемого памятника; так в коллекции примеров, собранных Твороговым, встречаем Акира готового *на цареву службу, аки сокол ѿрех мышей*.

По сравнению с фразой о соколе „в мытех“ (в летах), крепко слитой с тематикой „золотого слова“ и всего состава *ѿрудьныхъ ѿвѣсѣи о ѿлку Игоревѣ*, „глосса о соколе „трех мытей“ (трех лет)“, вошедшая в позднюю версию „Акира“ без всякого тематического и композиционного оправдания, дает, по мнению А. А. Зимина, „лучшее чтение этого фрагмента“, и такое утверждение в свою очередь лишено какого бы ни было оправдания.

Первая часть вопросо-ответного построения, 117-ый стих *Слова о ѿлку Игоревѣ*, находит себе близкое соответствие в начальной части двух „стихов“ (т.е. versets!) *Писания Софонии Рязанца* (т. н. „Задонщины“). Путем сравнения вариантов эти оба стиха — 86. и 123. — легко поддаются реконструкции.¹⁶ Чернец Пересвет 84. *ѿоскакиваетъ на своем борзѣ кони, злаченым досѣвхом ѿсѣвчиваючи, а инии лежатъ ѿсѣчени у Дону на брезѣ*. Не то Пересвет, обреченный на близкую гибель (ср. стих 81), не то автор за него восклицает: 36. *„Чи не лѣѿо было бы ѿу, браѣе, сѣару ѿмолодѣиися* (т. е. самому Пересвету и брату его Ослябяти или Ослебяти), *а молодому ѿлечь своих ѿѿѣиѣи* (т. е. Якову, чаду Ослебятину).“ Ослебя возвещает гибель Пересвета и Якова (87.—89.). Схожий боевой лозунг замыкает заключительный призыв князя Дмитрия 119. *своимъ бояромъ*: 122. *„То ѿи, браѣе, не наши мѣди сладѣи Московѣиши*. 123. *Туйо, браѣе, сѣару ѿмолодѣиися, а молоду чѣсти добѣиши*.“

Внутренний антитетический параллелизм прилагательных *сѣару — молоду* в сочетании с инфинитивами и „произвождение“ (парегменон) на стыке параллельных конструкций, *ѿмолодѣиися — молоду*, без сомнения, придают новую семантическую окраску вступительному вопросу „Слова“ к назидательной притче о соколе в мытях. Однако генетическое соотношение между 117-ым стихом „Слова“ и схожей формулой, дважды появляющейся в „Задонщине“, не подлежит сомнению, и нам остается только повторить,¹⁷ что *Слово о ѿлку Игоревѣ*,

¹⁶ См. R. Jakobson and D. S. Worth, *Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field* (Гаара, 1963), 28—39, или *Selected Writings*, IV, 560—571.

¹⁷ *Selected Writings*, IV, 152, 159 и 690 сл.; А. Н. Котляренко, „Сравнительный анализе некоторых особенностей грамматического строя „Задонщины“ и

хотя оно и дошло до нового времени только в списке XVI века, все же насчитывает ряд примеров, сохраняющих в сочетании глаголов с возвратным местоимением *ся* первоначальный грамматический порядок, свойственный русским писаниям домонгольской эры, а именно в восьми случаях энклитика *ся* оторвана от глагола и следует за первым ударным словом синтаксического целого, напр. 117. *А чи диво ся, браїице, сїару юмолодїи* или 71. *Ту ся браїа разлучїа*. С другой стороны ни в одном из списков „Задонщины“ не удержан древний словоупорядок; форма *ся* всегда следует за глаголом в качестве единственной или второй из двух постпозитивных частиц. В стихах 86. и 123. пишется *юмолодїиися* или *юмолодїїся* (напр. в Кирилло—Белозерском списке XV века — *Того даже было нелїю сїару юмолодїиися*),¹⁸ а в 140. *Туїю юганим разлучїася*, или с характерной контаминацией древнего, восходящего к „Слову“, и нового порядка в Музейном списке № 2060 *Туїю ся юганим разлучїася*.

Напомним, что постановка энклитик вслед за первым словом синтаксического целого в архаичном типе индоевропейских языков была впервые учтена Якобом Вакернагелем, опубликовавшим это открытие в 1891 году, и только к 1900-ому году относится попытка Э. Бернекера применить тот же закон Вакернагеля к древнейшей стадии русского языка.¹⁹ Если при текстуальных совпадениях между „Словом“ и „Задонщиной“ обнаруживается знаменательное различие в трактовке местоименной формы *ся*, это еще раз и непреложно доказывает, что в общем литературном инвентаре обоих намятников именно „Слову“ принадлежит историческое первенство, и что эта воинская повесть удельной Руси должна была послужить образцом Софонии Рязанцу. Приведенного историко-грамматического довода было бы достаточно для опровержения произвольного тезиса, настойчиво повторяемого А. А. Зиминым, будто „автор „Слова о полку Игореве“ имел в своем

„Слова о полку Игореве““, *Слово о полку Игореве и йамлїиники Куликовского цикла*, 143 сл.; Ф. П. Филин, „Старые мысли, устарелые методы (ответ А. Зимину)“, *Войросы лїтературы*, XI, 3 (1967), 170.

¹⁸ И соответственно в Печатном варианте „Сказания о Мамаевом побоище“, переиначившем эту формулу: „Лепо бо есть в то время стару помолодиться“: см. Л. А. Дмитриев, „Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“ как показатели по истории текста этих произведений“, *Слово о полку Игореве и йамлїиники Куликовского цикла*, 417.

¹⁹ Ср. В. Havránek, *Genera verbi v slovanských jazycích*, I (Прага, 1928); R. Jakobson, „Les encilitiques slaves“, *Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19—26 Settembre 1933* (Флоренция, 1935).

распоряжении „Задонщину“ Пространной редакции.“²⁰ Если верить этому тезису, то пришлось бы предположить, что автор „Слова“ искусно перелагал „Задонщину“ на язык домонгольской Руси и еще до начала исторического языкознания разгадал закон Вакернагеля, опередив таким образом по крайней мере на столетие замечательные открытия, подготовленные развитием сравнительно-исторической методологии в языкознании девятнадцатого века.

Если верить цитируемой статье, то пришлось бы далее предположить, что в поздней версии „Повести об Акире“ автор „Слова“ набрел на неприкаемый афоризм о старом соколе, а в „Задонщине“ облюбовал зажигательные слова о второй молодости старого бойца и затем сплавил оба фрагмента в целостное размышление о спасительном покровительстве старших витязей молодым в роду. И наконец пришлось бы предположить, что все это размышление в свою очередь органически вросло в *злайю слово*, вдохновенный призыв преодолеть роковую болезнь удельной Руси — *княже нейособие*, — призыв идеологически сходный с другим ярким памятником той же эпохи, „Словом о князех“.

Глубокая художественная и логическая соотнесенность обоих стихов, 117. и 118., стремящихся сгладить рознь между „серебряной сединой“ старых князей и „неразумной удалью“ (*буесийью*) молодых, заставляет решительно усумниться в чудодейственной склейке двух чужеродных цитат. Сомнительность превратится в окончательную невозможность, если мы учтем, что 118-ый стих „Слова“, обещание Святослава — старого сокола — не дать *гнѣзда своего въ обиду*, явственно перекликивается с намеками 40-ого и 41-ого стихов того же памятника на опасность, грозящую далеко залетевшему *Ольгову хороброму гнѣзду*, которое не было *обидѣ йорожено*. В „Слове“ еще один образ связывает оба сказа о гнезде и обиде — глава рода и покровитель гнезда (ср. притяжательные формы 40. *Ольгово*, 118. *своего* и конечную ссылку на родовой оберег гнезда против обиды: 41. *не было оно обидѣ йорожено*; 118. *не дасиѣ гнѣзда своего въ обиду*). Проходящий сквозь „Слово“ мотив стремительного полета вдаль или ввысь занимает в обоих кадрах срединное место (40. *далече залейѣво*; 118. *высоко йѣйичь възбиваеиѣ*), и в обоих случаях непосредственно следуют однородные конструкции: стричание *не*, глагол в третьем лице (*было оно йорожено*; *дасиѣ*) и обстоятельство цели (*обидѣ, въ обиду*).

²⁰ А. А. Зимин, *там же*, 141. Подробный ответ на его остальные доводы был нами дан в Selected Writings, IV, 656—704.

Догадка о пути сопряженных образов — гнезда, обиды и главы рода — от „Повести об Акире“ к 118-ому, а оттуда к 40-ому и 41-ому стихам „Слова“ неправдоподобна, поскольку мотив обиды красною нитью проходит сквозь текст „Слова“: 62. *за обиду Ольгову*; 76. *Въсѣла обида*; 129. *за обиду сего врѣмене*. И наконец, стихи 28-ой и 29-ый „Задонщины“, первый отчасти, а второй почти полностью, совпадают с 40-ым и 41-ым стихами „Слова“: 28. *Гнѣздо есмѣ великого князя Володимера Киевского*. 29. *Не въ обидѣ есмѣ были ѿроженѣ* и т.д. (согласно списку Ундольского, *Не в обиде есмѣ были ѿ роженю*).²¹ Попутно упомянем, что характерное для „Слова“ тройственное созвучие начальных гласных, 30. *Ольгово* — 41. *оно обидѣ*, сошло на нет в „Задонщине“.

Итак драматическое сочетание образов *гнѣзда* и *обиды* появляется в двух тематически и композиционно сродных звеньях „Слова“, встретивших несомненные отклики, одно звено в „Задонщине“, а другое — в поздней редакции „Повести об Акире“, и эти соответствия могут быть объяснены единственно влиянием „Слова“ в первом случае на „Задонщину“, а во втором на поздний текст „Повести об Акире“.

Изначальная сопринадлежность 117-ого и 118-ого стихов „Слова“ друг с другом и с окрестными стихами получает веское подтверждение в звукообразной фактуре текста. Как нам не раз приходилось отмечать, *Слово о ѿльку Игоревѣ*, насыщенное разнообразными звуковыми повторами, разделяет эту особенность с различными осколками эпического творчества, вкрапленными в летописи домонгольской Руси.²²

Сама по себе внутренняя структура каждого из двух названных стихов уже обнаруживает больший упор на повторные звукосочетания, сплавивающие воедино словесный состав изречения: 117. *а чи ДИво ся* („Задонщина“: *чи не лѣю*) . . . *ѿмолоДИи*; 118. *КОЛи СОКОЛЬ*. . . *выСОКО* (последнего слова нет в афоризме „Повести об Акире“); *Въ мѣшѣхъ БЫВАЕТЬ . . . ВЪзБИВАЕТЬ . . . ВЪ оБИду* (в „Повести об Акире“ этот повтор отсутствует). Ср. в 116-ом стихе *мужѣИМЪ СЯ САМИ* и повторную аллитерацию свистящих, выдвинувшую и срастившую ключевые слова: *Сами* и *Славу*.

Еще более показательны повторы, связывающие лозунг молодых князей (116.) с обеими половинками великокняжеской реплики (117., 118.): 116. *ПОХЫТИМЪ . . . ПОДЪЛИМЪ* — 117. *ПОМОЛОДИТИ* —

²¹ Ср. Selected Writings, IV, 553, 562.

²² Selected Writings, IV, 234, 303, 328 сл., 603, 606 сл., 662 сл. и 680—686. Ср. Д. И. Чижевский, „On Alliteration in Ancient Russian Literature“, Russian Epic Studies, ed. by R. Jakobson and E. J. Simmons = Memoirs of the American Folklore Society, XLII (1949).

118. *МЫТЬХЪ*. Посягательство младших на былую (прѣдѣньюю) и очередную (задѣньюю) славу вызывает по контрасту в поучении старого князя преемственно родовые ассоциации, передаваемые выразительными паронимазиями: 115. *ПРАДѢДНЮЮ СЛАВУ* — 116. *ПРѢДНЮЮ СЛАВУ*; *рекоСТА . . . ЗАДѢНЮЮ* — 118. *НЕ ДАСТЬ зНѢЗДА*.

Зачин созвучный концовке (117. *а чи ДИВО СЯ* — 118. *зНѢЗДА СВО го*) отмежевывает реплику Святослава от речи, вложенной в уста строптивых братьев. Особенно рельефно выделена отповедь великого князя симметричным расположением ударных гласных с инверсией *А* в конечном секторе стиха: 117. *И — А || А — И*; 118. *О — Ы — А | О — И — А || А — О — И*. От этих двух фраз существенно отличается своєю, опять-таки склонной к симметрии расстановкой ударных гласных „чужая речь“ 116-ого стиха, где в каждом из трех грамматически параллельных секторов фразы выступает чета двух смежных ударных *А*, и где *Ѣ* занимает начальное место во втором секторе, конечное в третьем: *мужЯимъ ся сАми, || ѿѢдѣньюю славу сАми . . . | задѣньюю си сАми ѿдѢлим*.

Одним словом, с какой бы стороны ни подойти к красочной тираде Святослава о превращении старых в юных и о победоносном *ѿсобии* старых юным, ее две половинки показывают изумительную обоюдную слаженность, природную связь обоих стихов с контекстом и воистину полную безнадежность досужих домыслов о перенятии автором „Слова о полку Игореве“ обеих фраз — каждой поодиночке — из двух чужих и разнородных письменных источников. Охота на „сокола в мытѣх“ разделяет судьбу всех прочих доводов, подобранных отечественными и заграничными охотниками, для того чтобы опровергнуть древность памятника, справедливо признанного А. А. Зиминим за „одно из значительнейших произведений мировой культуры“: внимательная проверка превращает любую из этих улик в непреложное доказательство принадлежности „Слова“ временам *Игоря сына Свѣѿславля, внука Ольгова*. Такие доказательства снова и снова убеждают, что в памятнике нет ни одной черты, которая позволяла бы ставить под сомнение его без малого восьмивековую давность, и что с другой стороны всякая проба иной, поздней датировки неминуемо сталкивается с неразрешимыми противоречиями, от которых нельзя отмахнуться скороспелым, необдуманном судом о „заблуждениях“ „Слова“.²³

²³ Нами были привлечены здесь к обсуждению стихи „Слова“ 40., 41., 111.—119., (а также попутно 62., 71., 76., 79., 88—91., 102., 129., 184.), и стихи „Задонщины“ 28., 29., 84—86., 123.